
ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПАРТІИ И ИХЪ ИДЕАЛЫ.

(Продолженіе).

Соціализмъ и христіанство.

Утопическій соціализмъ, выросшій на идеяхъ справедливости и равенства, мечтавшій не только о соціально-экономическомъ, но и нравственномъ преобразованіи общества, не заключалъ въ себѣ ничего такого, что дѣлало бы его принципиально несомѣстимымъ съ христіанскими воззрѣніями. Мало того, въ представленіи нѣкоторыхъ соціалистовъ онъ прямо сливался съ христіанскою моралью и казался осуществленіемъ евангельской идеи царства Божія на землѣ. Аббатъ Ламене, напимѣръ, жившій въ первой половинѣ прошлаго вѣка, на современный ему соціальный строй смотрѣлъ, какъ на фактическое отреченіе отъ евангелія и Христа. Въ одной изъ его притчей семь королей, сидя передъ трономъ изъ костей, поставленномъ на ниспровергнутомъ распятіи, пьютъ человѣческую кровь и даютъ клятву ниспровергнуть религію Христа, задушить науку и мысль, развратить народы, для чего рѣшаются подкупить служителей Христа посредствомъ богатства, почестей и вліянія, чтобы они внушали народу покорность власти. Со всѣмъ жаромъ своей пылкой природы выступаетъ Ламене на защиту бѣдныхъ и угнетенныхъ, требуя радикальныхъ реформъ въ соціалистическомъ духѣ. Другой аббатъ, Констанъ, видѣлъ отступничество отъ Христа не только въ государствѣ, но и въ церкви. Грязный духъ эгоистической собственности проникъ, по его словамъ, въ официальную церковь, какъ Іуда въ среду апостоловъ. Духовенство исказило смыслъ ученія Христа о нищетѣ и

братствѣ и тѣмъ оттолкнуло отъ него неимущіе классы. Когда же народъ пойметъ евангеліе, онъ увѣруетъ. Общественный строй долженъ радикально измѣниться; должны исчезнуть бѣдность и неравенство. Для этого всѣ собственники должны проникнуться идеей христіанскаго самоотверженія. Въ устахъ этихъ и подобныхъ людей социализмъ былъ призывомъ къ возстановленію древней апостольской общины.

Въ совершенно иное отношеніе къ христіанству сталъ социализмъ научный. Кто хочетъ войти въ самое святилище марксизма, тотъ долженъ сложить у дверей его всякое идеалистическое и религіозное міропониманіе, отречься отъ вѣры и христіанства. Вся сила, вся непреложность марксизма покоится на убѣжденіи, что въ исторіи человѣчества всѣ факты и внѣшней, и внутренней жизни вырастаютъ исключительно на почвѣ производства, обмѣна и потребления. И кто вздумалъ бы ввести въ исторію новый факторъ, независимый отъ экономическаго, тотъ погрѣшилъ бы противъ основной догмы научнаго социализма. Понятно конечно, что здѣсь не можетъ быть мѣста христіанству, какъ сверхъестественной религіи, и вообще какой бы то не было религіи. „Религія есть опиумъ для народа“, говорилъ Марксъ. Энгельсъ смотрѣлъ на религію, какъ на изжитый моментъ человѣчества. „Христіанство и социализмъ, писалъ Бебель священнику Гогофу, противостоятъ другъ другу, какъ огонь и вода. Такъ называемое доброе зерно, которое Вы, но не я, находите въ христіанствѣ, не есть христіанское, а общечеловѣческое. То же, что принадлежитъ собственно христіанству, его ученіе и догмы, враждебны человѣчеству“ ¹⁾. Особенно подробно и довольно откровенно выясненъ вопросъ объ отношеніи социализма къ христіанству и церкви въ извѣстной брошюрѣ Каутскаго: „Соціалъ-демократія и католическая церковь“ ²⁾. Онъ говоритъ здѣсь, что можно быть одновременно и вѣрующимъ и социалъ-демократомъ. Но эту совмѣстимость онъ понимаетъ не въ смыслѣ возможности съ христіанской точки зрѣнія притти къ полному пониманію научнаго социализма, — послѣдній несовмѣстимъ съ признаніемъ личнаго Бога, — а въ смыслѣ участія въ классовой борьбѣ пролетаріата. Онъ не

1) Христіанство и социализмъ. Женева. 1905. Стр. 24.

2) Русскій переводъ въ изд. „Трудъ“. 1906. Стр. 4. 38 и д.

скрываетъ того, что въ интересахъ социаль-демократіи было бы однимъ ударомъ покончить съ церковью; но предостерегаетъ отъ этого шага, такъ какъ, употребляя насиліе, социаль-демократія подаетъ поводъ къ репрессіямъ и противъ себя самой, и такъ какъ всякія гоненія послужатъ въ концѣ концовъ лишь къ усиленію католицизма, что доказалъ неудачный примѣръ Бисмарка.

Изъ сказаннаго не слѣдуетъ конечно, что всѣ социаль-демократы атеисты. Напротивъ многіе изъ нихъ люди вѣрующіе. Но они таковы потому, что или не знаютъ, или не признаютъ научнаго обоснованія своихъ социалистическихъ идей. Принимая лишь выводы научнаго социализма безъ необходимыхъ его философскихъ предпосылокъ, они въ сущности являются не столько марксистами, сколько утопистами. Съ другой стороны не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что научный социализмъ широкой волной разливаютъ повсюду невѣріе, совершенно несправедливо усвоивъ себѣ роль воплоителя тѣхъ великихъ идей, которыя провозгласило, но не сумѣло будто бы осуществить до сихъ поръ христіанство. „Христіанская религія, писалъ Бебель Гогофу, эта религія любви, въ теченіе болѣе чѣмъ 18 столѣтій для всѣхъ вѣрующихъ и мыслящихъ иначе была религіей ненависти, преслѣдованій и притѣсненій. Ни одна религія въ мірѣ не стоила человѣчеству столькохъ слезъ и крови, какъ христіанская. Когда дѣло идетъ о войнѣ или массовомъ убійствѣ, то священники всѣхъ христіанскихъ исповѣданій и сейчасъ еще готовы дать свое благословеніе; и все духовенство одной націи воздѣваетъ руки къ небу, чтобы у одного и того же Бога, Бога любви, испросить уничтоженія своего врага—другой націи. Христіанство держало человѣчество въ рабствѣ и угнетеніи; оно и въ настоящее время служить лучшимъ орудіемъ политическаго и социальнаго гнета. Церковь и государство братски соединяются, когда дѣло идетъ объ угнетеніи народа... Ваши епископы, ваши соборные священники, г. священникъ, не желаютъ ни равенства, ни счастья человѣчеству; они проповѣдуютъ бѣднымъ довольство настоящимъ положеніемъ, утѣшаютъ указаніемъ на небо, а сами живутъ господами. Вы, г. священникъ, обезпечены, по вашему собственному утвержденію, хуже лакея или горничной, а между тѣмъ вашъ епископъ живетъ, какъ большой

господинъ, пользуется доходами и почестями. Развѣ такая религія заслужитъ наше уваженіе и одобреніе, та религія, которая не сумѣла убѣдить собственныхъ служителей въ необходимости исполнять такъ называемые принципы... Соціализмъ является самымъ настоящимъ народнымъ и человѣческимъ ученіемъ, потому что онъ въ дѣйствительности желаетъ примѣнить къ жизни тѣ нравственные законы, которые для церкви въ теченіе 18 вѣковъ служили лишь вытѣской. Соціализмъ хочетъ осуществить всеобщее равенство, всеобщую любовь и всеобщее счастье“¹⁾.

Для всякаго должно быть ясно, что это драпированіе едва не въ евангельскія добродѣтели является не болѣе какъ тактическимъ приѣмомъ, несоотвѣтствующимъ основнымъ принципамъ марксизма. Пролетарій Маркса спасаетъ человечество въ силу естественной необходимости; онъ вынужденъ спасать его, спасая себя самого, помимо всякихъ альтруистическихъ мотивовъ. О любви въ смыслѣ самопожертвованія тутъ не можетъ быть и рѣчи. Альтруистическая мораль, по словамъ Маркса, способна распространять лишь блѣдную немочь и истерію; это слюнявое любвеобиліе. Въ марксизмѣ, по справедливому замѣчанію Зомбарта, нѣтъ ни одного грана этики. Борьба за существованіе и личные экономическіе интересы вотъ то единственное, что движетъ „спасителемъ“ человечества. Такова теорія. Въ дѣйствительности однако мы видимъ иногда другое. Въ сухія, бездушныя, механическія формулы марксизма социаль-демократія влагаетъ не мало души, не мало дѣйствительныхъ идеальныхъ порывовъ, не мало искренняго и возвышеннаго желанія облагодѣтельствовать человечество. Но все это выходитъ изъ рамокъ научнаго социализма и лишній разъ показываетъ, что экономическій матеріализмъ не въ состояніи дать объясненія не только всей человѣческой исторіи, но и самому рабочему движенію. Уже тотъ фактъ, что люди, воодушевленные идеалами, осуществленіе которыхъ сами они ждутъ лишь въ далекомъ будущемъ, нерѣдко забываютъ о своихъ матеріальныхъ интересахъ, совершенно не поддается объясненію съ точки зрѣнія марксизма. Само собой разумѣется, что социаль-демократы во всѣхъ подобныхъ случаяхъ

¹⁾ Бебель: Христіанство и соціализмъ. Стр. 17—24.

не стоятъ уже на строго марксистской точкѣ зрѣнія, что они превращаются въ социалистовъ утопистовъ. Соціалистическій строй для нихъ становится уже нравственнымъ идеаломъ, на достиженіе котораго человѣчество должно отдать всѣ лучшія свои силы.

Утопизмъ въ научномъ социализмѣ.

До сихъ поръ предметомъ нашихъ наблюденій было постоянно обнаруживающееся стремленіе социаль-демократіи выйти изъ желѣзнаго кольца бездушнаго марксизма и вернуться въ болѣе свѣтлую и живую область утопическаго социализма. Но утопическій элементъ не есть лишь такъ сказать дыханіе живой души человѣческой, сдавленной въ тискахъ научнаго социализма; онъ въ значительной дозѣ присущъ и самому марксизму. Мы не будемъ говорить здѣсь, насколько твердо обстоитъ теорія капитализма. Столь сложный вопросъ выходитъ за предѣлы нашей задачи. Мы сдѣлаемъ лишь нѣсколько отрывочныхъ замѣчаній. Прежде всего справедливо указываютъ на ошибочность марксовой теоріи трудовой цѣнности. По мнѣнію Маркса, цѣнность продукта зависитъ лишь отъ истраченнаго на него труда. „Товаръ, говорилъ онъ, есть простой сгустокъ безразличнаго человѣческаго труда“. На самомъ же дѣлѣ, въ капиталистическомъ строѣ цѣнность продукту придаетъ не только трудъ, но и два другихъ фактора, капиталъ и земля, вслѣдствіе своей относительной рѣдкости. Извѣстно, что существуютъ цѣнности, на которыя не потрачено никакого труда. Такимъ образомъ свою идею отрицанія частной собственности Марксъ тенденціозно внесъ уже въ изслѣдованіе капиталистическаго строя. Эта неправильность сказалась далѣе въ его теоріи поземельной ренты, теоріи заработной платы и въ законѣ прибавочной цѣнности. По нему единственнымъ источникомъ ренты и прибавочной цѣнности является эксплуатація наемнаго труда. Но какъ и въ цѣнѣ продукта онъ забывалъ учитывать здѣсь производительную роль земли и капитала. Отсюда произошло то, что уже у самого Маркса мы находимъ нѣсколько противорѣчивыя понятія о прибавочной цѣнности. Если въ первомъ томѣ „Капитала“ онъ смотритъ на прибавочную цѣнность какъ на излишекъ стоимости рабо-

чей силы, то по третьему тому прибавочная цѣнность не обуславливается одной работой; она опредѣляется капитальными затратами, вслѣдствіе чего равные капиталы могутъ приносить равную прибыль и при неодинаковомъ количествѣ рабочей силы. Если мы припомнимъ, что на законѣ прибавочной цѣнности построена у Маркса вся теорія капитализма, то вмѣстѣ съ этимъ закономъ колеблется и самая теорія. По мнѣнію Маркса и Энгельса, заработная плата исключительно опредѣляется отношеніемъ спроса и предложенія на рабочемъ рынкѣ, вслѣдствіе чего она является тѣмъ минимумомъ, который потребенъ для существованія рабочаго. Никакія усилія рабочихъ не въ состояніи измѣнить, по нимъ, этого закона политической экономіи. Здѣсь такимъ образомъ рабочій является простымъ товаромъ, а не хозяйственнымъ субъектомъ, не субъективнымъ факторомъ производства. Его свободѣ и моральнымъ свойствамъ не дается никакого мѣста. Эта односторонность въ ученіи о заработной платѣ привела Маркса и Энгельса ко многимъ соціологическимъ заблужденіямъ. Однимъ изъ слѣдствій этого ученія была теорія постепеннаго обнищанія: „Съ постепенно уменьшающимся числомъ капиталистовъ магнатовъ, узурпирующихъ и монополизирующихъ всѣ выгоды процесса этого преобразования, говорилъ Марксъ, растетъ масса нужды, угнетенія, рабства, вырожденія, эксплуатаціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и возмущенія рабочаго класса“ ¹⁾. Въ настоящее время сами соціалисты отказываются защищать теорію обнищанія. Точная статистика послѣдняго времени приводитъ скорѣе къ тому выводу, что всѣ классы общества вообще становятся богаче ²⁾. Смотри

¹⁾ С. Прокоповичъ. Къ критикѣ Маркса. Стр. 103.

²⁾ Бернштейнъ говоритъ по этому поводу слѣдующее. „Обостреніе общественныхъ отношеній совершалось не такъ, какъ его изображаетъ „Манифестъ“. Скрывать это отъ себя не только бесполезно, но и въ высшей степени глупо. Число собственниковъ не уменьшилось, а увеличилось. Это фактъ, въ которомъ теперь нельзя уже сомнѣваться. Громадное увеличеніе общественнаго богатства сопровождается не съживающимся числомъ капиталистовъ магнатовъ, но растущимъ числомъ капиталистовъ всѣхъ степеней“. См. Каутскій. Отвѣтъ Бернштейну. Перев. Гоихбарга. 1905. Стр. 102. „Можно съ увѣренностью установить, говоритъ Зомбартъ, что едва ли былъ въ исторіи человѣчества такой періодъ, когда бы уровень богатства народовъ въ цѣломъ такъ же, какъ и покупательная сила всѣхъ классовъ населенія въ отдѣльности, возросли въ такой же степени.

на исторію съ точки зрѣнія классовой борьбы, основанной на производственныхъ отношеніяхъ капиталистическаго строя, Марксъ видѣлъ выраженіе этой борьбы прежде всего въ рабочемъ движеніи. Однако такое объясненіе его было дѣломъ скорѣе абстракціи, чѣмъ дѣйствительнаго изученія фактовъ. Дѣло въ томъ, что рабочее движеніе происходитъ на почвѣ не

какъ это имѣло мѣсто въ послѣднее полустолѣтіе. Съ половины XIX столѣтія населеніе вездѣ увеличилось приблизительно вдвое, и при этомъ количество благъ, потребляемыхъ этимъ удвоеннымъ населеніемъ, увеличилось еще гораздо больше. Гдѣ прежде царили нужда и нищета, тамъ теперь—какъ общее правило—добились хотя бы сноснаго существованія. Это справедливо по отношенію къ широкимъ массамъ городского и сельскаго населенія, которыя и вообще то лишь въ послѣднее время появились на рынкѣ въ качествѣ покупателей продуктовъ фабричной промышленности. Въ тѣхъ кругахъ, въ которыхъ еще при дѣдушкахъ и бабушкахъ нашихъ жилось очень и очень скудно, нынѣ царитъ зажиточность; это неоспоримо въ широкомъ среднемъ городскомъ кругу, вплоть до „образованныхъ классовъ“, до среднихъ чиновничьихъ и профессорскихъ круговъ. А тамъ гдѣ люди уже и прежде жили съ „достаткомъ“ по тогдашнимъ понятіямъ, а по нашимъ нынѣшнимъ очень ужъ просто,—теперь царятъ роскошь и великолѣпная пышность; это относится къ богатой буржуазіи и къ кругу многихъ лицъ свободныхъ профессій, высшихъ чиновниковъ, выдающихся художниковъ, врачей, адвокатовъ и т. д. Справедливость этихъ словъ можно видѣть отчасти изъ слѣдующихъ статистическихъ данныхъ.

Среднее количество потребляемаго человѣкомъ хлѣба (ржи и пшеницы) равнялось:

въ Пруссіи	{	въ 1879—84 гг.	172, 6 килогр.
		„ 1895—96 „	198, 0 „
въ Англіи	{	(пшеница) въ 1852—55 гг.	138, 3 килогр.
		„ „ 1868—75 „	153, 2 „
		„ „ 1886—90 „	160, 4 „
во Франціи	{	въ 1820—29 гг.	117 килогр.
		„ 1850—59 „	177 „
		„ 1890—94 „	206 „

Мяса съѣдалъ человѣкъ:

въ Англіи	{	въ 1868 г.	100, 51 фунтовъ (англ.).
		„ 1891—95 г.	121, 7 „
		въ 1812 г.	17, 16 килогр.
во Франціи	{	„ 1852 „	23, 19 „
		„ 1892 „	35 „
въ Саксоніи	{	въ 1835—44 гг.	15, 8 килогр.
		„ 1897 г.	41, 2 „

(Современный капитализмъ. Перев. подъ редакціей Иванюкова 1905 г. Стр. 30—31).

столько абстрактныхъ производственныхъ отношеній, сколько конкретныхъ экономическихъ условий. Оно стремится болѣе къ улучшенію своего быта, чѣмъ къ уничтоженію капиталистическаго строя. Вотъ почему это движеніе естественно принимаетъ форму профессиональныхъ союзовъ. Выходя изъ своей теоріи заработной платы, Марксъ и Энгельсъ не ожидали отъ профессиональныхъ союзовъ никакихъ существенныхъ улучшеній въ положеніи рабочихъ и потому смотрѣли на союзы, какъ на протестъ противъ капиталистическаго строя вообще, какъ на авангарды противукапиталистическаго движенія. Но Марксъ и Энгельсъ ошибались. Англійскіе, на примѣръ, профессиональные союзы достигли весьма значительныхъ улучшеній въ своемъ положеніи и менѣе всего проникнуты классовыми интересами. Это долженъ былъ признать въ концѣ жизни и самъ Энгельсъ. Въ 1892 г. онъ писалъ: „съ 1848 года положеніе ихъ (т. е. тредъ-унионовъ), несомнѣнно, замѣчательно улучшилось: лучшимъ доказательствомъ этого служить то, что уже болѣе 15 лѣтъ не только хозяева довольны ими, но и сами рабочіе крайне довольны своими предпринимателями. Они составляютъ аристократію рабочаго класса; имъ удалось добиться относительно комфортабельнаго положенія, и они не хотятъ ничего лучшаго“ ¹⁾. Улучшеніе быта рабочихъ въ настоящее время заключается не только въ улучшеніи матеріальныхъ условий, но и въ постепенномъ введеніи конституціонныхъ отношеній въ промышленныхъ предпріятіяхъ, въ уничтоженіи неограниченной власти хозяина надъ рабочими. Наемъ уступаетъ мѣсто коллективному соглашенію; при этомъ не предприниматель, а рабочій опредѣляетъ условія труда ²⁾. Замѣчательно, что при необыкновенномъ развитіи рабочихъ тредъ-унионовъ, преслѣдующихъ исключительно профессиональныя цѣли, социаль-демократія занимаетъ въ Англійи жалкое мѣсто. Номинально насчитывая въ своихъ рядахъ 10,000 членовъ, въ дѣйствительности же значительно меньше, она до сихъ поръ не имѣла ни одного представителя въ парламентѣ. Находящіеся въ парламентѣ рабочіе служатъ интересамъ про-

1) С. Прокоповичъ. Къ критикѣ Маркса. Стр. 196—197.

2) *ibid.* Стр. 198.

фессиональныхъ группъ ¹⁾). Въ новомъ англійскомъ парламентѣ въ рабочей партіи, состоящей болѣе чѣмъ изъ 40 человекъ, есть повидимому социаль-демократы, но ихъ не болѣе 5—6 человекъ; главное же, ни одинъ изъ нихъ не былъ проведенъ социаль-демократической партіей. Вождь англійскихъ социаль-демократовъ Гайндманъ не попалъ въ парламентъ (Корр. *Руск. Вѣд.* за 11 января). Въ своей рѣчи, произнесенной нѣсколько лѣтъ тому назадъ, этотъ ученикъ Маркса говорилъ: „социализмъ задерживается въ Англіи, благодаря развитію трэдъ-унионизма. Трэдъ-унионисты узки и эгоистичны и интересуются больше увеличеніемъ своей рабочей платы или сокращеніемъ рабочаго дня, чѣмъ какимъ либо идеаломъ. Трэдъ-унионизмъ является поэтому страшной консервативной силой, которая преграждаетъ дорогу прогрессу социализма“ ²⁾). Все это признаютъ такіе строгіе марксисты, какъ Каутскій, но видятъ въ этомъ исключительное явленіе. Однако такой знатокъ рабочаго движенія, какъ социаль-демократъ Бернштейнъ, замѣчаетъ на это: „большое заблужденіе думать, что Англія въ этомъ отношеніи составляетъ исключеніе. Это же явленіе, но только въ другой формѣ, обнаруживается въ настоящее время и во Франціи. Тоже самое мы видимъ въ Швейцаріи, въ Соединенныхъ Штатахъ и до извѣстной степени въ Германіи“. Хотя между рабочей аристократіей и нижними слоями пролетаріата и существуютъ извѣстныя симпатіи, даже въ Англіи, однако, между такими политическими или социально-политическими симпатіями и экономической солидарностью еще большая разница, уничтожить которую можетъ сильный политическій и экономическій гнетъ, но которая тѣмъ или другимъ путемъ будетъ обнаруживаться по мѣрѣ того, какъ гнетъ этотъ будетъ уменьшаться... Даже въ Германіи можно встрѣтить борьбу рабочихъ противъ рабочихъ же, борьбу, являющуюся слѣдствіемъ экономической дифференціаціи или же вытекающую изъ конфликтовъ экономическихъ интересовъ“ ³⁾.

Таже тенденціозность обнаруживается и во взглядѣ Маркса

¹⁾ Государственный строй и политическія партіи. Ред. Смирнова. Т. I. Стр. 221—223.

²⁾ Ibid. 223—224.

³⁾ Каутскій. Отвѣтъ Бернштейну. Стр. 208.

на фабричное законодательство. Онъ опять смотритъ на него съ точки зрѣнія классовой борьбы. На самомъ же дѣлѣ, какъ показываетъ исторія его постепеннаго возникновенія, оно носить скорѣе профессиональный, чѣмъ классовый характеръ. „Мы опять видимъ, справедливо говоритъ С. Прокоровичъ, что базой рабочаго движенія являются не производственныя отношенія капиталистическаго строя, а экономическое положеніе рабочихъ въ современномъ обществѣ. Фабричное законодательство можетъ служить типичнымъ образчикомъ той реформаторской работы, которая возможна въ современномъ капиталистическомъ обществѣ. Оно показываетъ намъ, что политическая власть находится не исключительно въ рукахъ буржуазіи, что политическая власть буржуазіи уже теперь ограничивается политической силою пролетариата“ ¹⁾. Итакъ конечныя цѣли социалистическаго характера были искусственно подставлены Марксомъ подъ рабочее движеніе. Какъ мы видѣли далѣе, по Марксу главное зло капиталистическаго строя заключается въ эксплуатаціи рабочихъ. Но основная причина эксплуатаціи, заключающаяся въ томъ, что рабочему принадлежитъ не весь продуктъ труда, а лишь часть его, должна остаться и при социалистическомъ строѣ. Въ третьемъ томѣ „Капитала“ Марксъ прямо говоритъ, что и въ будущемъ строѣ будетъ имѣть мѣсто прибавочная цѣнность, идущая въ пользу государства, что и тогда рабочій долженъ работать больше, чѣмъ необходимо для его потребленія. Тоже говорятъ Энгельсъ и Каутскій ²⁾. Другое зло капитализма—экономическіе кризисы. Но „въ роковую неизбѣжность постепеннаго обостренія періодическихъ кризисовъ, говоритъ проф. Чупровъ, въ неотвратимую гибель капиталистическаго строя отъ грозящаго принять характеръ общаго перепроизводства, образованный экономистъ въ настоящее время уже не можетъ вѣрить“ ³⁾. Къ устраненію анархіи въ производствѣ есть и другія дѣйствительныя средства, помимо уничтоженія капитализма, именно производственныя коопераціи и товарищества, объединеніе промышленныхъ предпріятій въ синдикаты

¹⁾ Къ критикѣ Маркса. Стр. 211.

²⁾ Комментарій. Стр. 118.

³⁾ Право. 1905. № 45—46.

и картели, развитіе промышленной статистики, биржевой техники и т. д. Переходъ капиталистическаго строя въ социалистическій явится по Марксу результатомъ диктатуры пролетаріата. Мысль о диктатурѣ рабочаго класса вытекала у него изъ убѣжденія, что при господствѣ буржуазіи и капитализма не можетъ быть улучшенія въ положеніи рабочихъ. „Лишь пораженіе пролетаріата, говоритъ Марксъ, убѣдило его въ той истинѣ, что самое ничтожное улучшение его положенія въ рамкахъ буржуазной республики является утопией, становящейся преступленіемъ, какъ скоро дѣлаются попытки къ ея осуществленію“¹⁾. „Пока существуетъ капиталистическій способъ производства, пишетъ Энгельсъ, до тѣхъ поръ глупо разсчитывать разрѣшить квартирный вопросъ, или какой либо другой отдѣльный общественный вопросъ, касающійся рабочихъ. Разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ лежитъ въ уничтоженіи капиталистическаго способа производства, въ экспроприаціи самимъ рабочимъ классомъ всѣхъ средствъ существованія и труда“²⁾. Современное рабочее законодательство даетъ достаточно доказательствъ того, какъ ошибались въ этомъ случаѣ Марксъ и Энгельсъ. Теперь для всякаго должно быть очевидно, что государство путемъ постепенныхъ реформъ можетъ содѣйствовать возвышенію экономическаго благосостоянія и социальнаго вліянія рабочаго класса и при капиталистическомъ строѣ, и что слѣдовательно диктатура пролетаріата не есть дѣло неизбѣжной необходимости. Съ другой стороны въ идеѣ о диктатурѣ пролетаріата заключается мысль объ экономическомъ всеиліи политической власти. Эта мысль, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Прокоповичъ³⁾, стоитъ въ противорѣчій съ матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи. Съ точки зрѣнія Маркса никакъ нельзя допустить, чтобы не экономическія отношенія производства, а простыя политическія отношенія власти могли обусловливать собою распредѣленіе продуктовъ. „Думаютъ, говоритъ Шульце-Геверницъ, завоевать государство съ тѣмъ, чтобы передѣлать его на свой ладъ. Какъ будто это осуществимо при помощи какого ни-

1) Прокоповичъ. Къ критикѣ Маркса. Стр. 239.

2) *ibid.*

3) Къ критикѣ Маркса. Стр. 248.

будь переворота, какъ будто степень вліянія въ государствѣ не зависитъ исключительно отъ распредѣленія экономической силы между различными классами общества“ ¹⁾. Эрфуртская программа говоритъ: „борьба рабочаго класса противъ капиталистической эксплуатаціи необходимо должна быть борьбою политической. Рабочій классъ не можетъ вести своей экономической борьбы, не можетъ развивать своей экономической организаціи, не имѣя политическихъ правъ“. Сторонникъ Бернштейна, социаль-демократъ Вольманъ, совершенно справедливо упрекаетъ составителей программы въ наивности. Положеніе должно было бы гласить, по нему, какъ разъ обратное, именно: „борьба рабочаго класса противъ капиталистической эксплуатаціи необходимо является экономически-политической борьбой. Рабочій классъ не можетъ завоевать себѣ безъ экономической организаціи ни политическихъ правъ, ни политическаго вліянія“ ²⁾. Итакъ, что нибудь одно: или не добившись экономического вліянія, пролетаріатъ никогда не достигнетъ и политической власти, или по мѣрѣ усиленія экономического вліянія и организаціи пролетаріата будетъ крѣпнуть его политическая власть, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаться эксплуатація и антагонизмъ классовъ. Въ послѣднемъ случаѣ диктатура пролетаріата будетъ замѣнена постепеннымъ реформированіемъ общества. Особенно неудобоваримымъ для марксизма является аграрный вопросъ. По теоріи капитализма крестьянство должно погибнуть въ борьбѣ съ крупнымъ землевладѣніемъ. А между тѣмъ въ послѣднія десятилѣтія даже въ наиболѣе промышленныхъ странахъ наблюдается замѣчательная устойчивость мелкаго крестьянскаго хозяйства. Этотъ фактъ должны были признать и марксисты, объясняя его тѣмъ, что само крупное землевладѣніе нуждается въ собственникахъ крестьянахъ для своего существованія. Если прежде вслѣдъ за Марксомъ и Энгельсомъ Каутскій говорилъ о неизбежной гибели мелкаго крестьянства, то въ послѣднемъ изданіи своего комментарія онъ уже пишетъ: „концентрація капитала не уничтожаетъ вполнѣ мелкихъ хозяйствъ, а скорѣе создаетъ вмѣсто старыхъ новыя“. Но вполнѣ понятно, что завершеніе

¹⁾ ibid. Стр. 246.

²⁾ Каутскій. Отвѣтъ Бернштейну. Стр. 199.

капиталистическаго процесса едва ли возможно безъ уничтоженія крестьянства, что послѣднее всегда будетъ служить препятствіемъ для перехода къ коллективистическому строю. „Въ одномъ наши французскіе товарищи правы, писалъ Энгельсъ въ 1894 г.: противъ воли мелкаго крестьянина во Франціи невозможенъ никакой прочный политическій переворотъ“¹⁾. Эта безвыходность марксизма въ аграрномъ вопросѣ породила революціонный социализмъ, принципиально отказавшійся въ этомъ вопросѣ отъ точки зрѣнія научнаго социализма. Всѣ эти и многія другія соображенія, о которыхъ мы не имѣемъ мѣста говорить, ставятъ гипотезу Маркса подъ очень большое сомнѣніе.

Но допустимъ, что Марксъ правъ, что гибель капитализма неизбежна. Что даетъ человѣчеству осуществленіе конечной цѣли социализма? Вѣдь въ политическую программу она вносится не потому, что осуществленіе ея неизбежно въ силу естественной необходимости, а потому, что она желательна, составляетъ идеаль, достиженіе котораго хотятъ ускорить. Что же въ немъ заманчиваго? Какимъ образомъ устроится человѣчество въ будущемъ социалистическомъ строѣ? Можетъ ли дать онъ человѣчеству счастье, равенство и прочія блага? На всѣ эти вопросы основатели научнаго социализма очень мудро отказывались отвѣчать, говоря, что невозможно предвидѣть формъ будущаго строя. Однако это не мѣшало имъ довольно смѣло заявлять, что, если и неизвѣстно, какъ и что именно будетъ, то во всякомъ случаѣ будетъ очень хорошо. Но разумѣется, такой отвѣтъ не могъ удовлетворить не только людей, не раздѣляющихъ теоріи марксизма, но и самихъ социалистовъ. Это обстоятельство заставило теоретиковъ социализма хотя въ приблизительныхъ чертахъ намѣтить картину „государства будущаго“. Картины при этомъ получаются весьма различныя. Но во всемъ имъ присущъ тотъ самый утопизмъ, который мы видѣли въ старомъ социализмѣ, и который покоится болѣе на фантазій, чѣмъ на дѣйствительномъ изученіи человѣческой природы и исторіи. На первый и главный вопросъ о правѣ собственности въ будущемъ государствѣ социалистами дается да-

¹⁾ Крестьянскій вопросъ во Франціи и Германіи. Перев. Величкиной 1905. Стр. 38.

леко не одинаковый отвѣтъ. По словамъ Каутскаго, переходъ въ коллективистическій строй ни въ какомъ случаѣ не можетъ знаменовать собою экспроприаціи мелкихъ ремесленниковъ и мелкихъ крестьянъ. Экспроприація будетъ направлена на крупное производство ¹⁾. Но очевидно, такое представленіе дѣла подрываетъ въ корнѣ основной принципъ социализма. Послѣдовательно проведенный социалистическій строй можетъ имѣть лишь тотъ видъ, въ какомъ рисуетъ его Менгеръ ²⁾. По нему членъ рабочаго государства сохраняетъ право собственности лишь на предметы потребления, назначенные для уничтоженія полнаго (напр. пищевые продукты) или постепеннаго (напр. одежда). При этомъ государство, заинтересованное въ правильномъ употребленіи продуктовъ, принимаетъ мѣры противъ возможнаго мотовства и другихъ злоупотребленій; особенно же оно должно ограничить право распоряжаться вещами, наблюдая, чтобы всевозможные подарки не порождали зависимости одного лица отъ другого. На предметы пользованія, напр.: домъ, мебель, книги, часы и т. д., государство даетъ членамъ лишь право пользованія съ тѣмъ, однако, чтобы приносимые ими плоды, напримѣръ овощи на землѣ около дома, принадлежали не лицу, а государству, и подлежали особой описи. Средства же производства, съ помощью чедовѣческаго труда или безъ него создающія новыя блага (земля, фабрики, желѣзныя дороги и т. д.), должны принадлежать единственно государству. На совершенно естественный вопросъ, не превратится ли тогда государственная власть въ настоящую тиранию и жизнь гражданина въ истинную муку, Менгеръ говоритъ, что этого не случится, такъ какъ государственная власть въ рабочемъ государствѣ совершенно преобразуется: она будетъ руководиться не интересами власти, а пользой и интересами гражданъ. Все это мы слышали давнымъ давно отъ Сенъ-Симона, Фурье, Овена и другихъ утопистовъ. Такою же утопичностью страдаютъ и отвѣты на вопросы: какъ будутъ распредѣлены потребительныя блага, поровну или сообразно съ качествомъ и количествомъ труда? Найдутся ли въ первомъ случаѣ охотники на непріятный и тяжелый

¹⁾ Комментарій. Стр. 111—118.

²⁾ Новое ученіе о государствѣ. Пер. Жбанкова. 1905 г. Стр. 96—112.

трудъ и сохранится ли равенство во второмъ случаѣ? На это Каутскій отвѣчаетъ, что во первыхъ заинтересованность каждаго въ производствѣ зависитъ не только отъ его участія въ оплатѣ труда, а отъ многихъ причинъ, какъ то: чувства долга, честолюбія, соревнованія, привычки и т. д., и во-вторыхъ неравенство въ доходахъ совмѣстимо съ коллективистическимъ строемъ, въ которомъ „равенство явится не результатомъ насильственного уравнианія, вводимого путемъ принужденія, а цѣлью или тенденціею естественнаго хода развитія“ ¹⁾: Мы видимъ здѣсь тѣже надежды на нравственное перерожденіе, на которыя рассчитывали и утописты. На сцену являются здѣсь и чувство долга и непринудительное, т. е. нравственное, равенство. И все это при отрицаніи всякихъ другихъ факторовъ исторіи кромѣ экономическаго, душу котораго составляетъ выгода. Подобно утопистамъ, коллективисты представляютъ дѣло такъ, какъ будто человѣчество, проснувшись на другой день послѣ революціи, увидитъ себя въ первобытной невинности, чуждымъ властолюбія, деспотизма, лжи, лѣни, эгоизма, зависти и всѣхъ прочихъ пороковъ, портящихъ ему жизнь въ капиталистическомъ строѣ. Располагая такими средствами, экономистъ Х напр. вѣка могъ бы нарисовать столь же очаровательную картину и капиталистическаго строя. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что и въ социалистическомъ обществѣ останется и неравенство въ доходахъ, и несоотвѣтствіе между потребностями и потребленіемъ, и зависимость трудящихся отъ хозяевъ, хотя бы они и были представителями государства, и различія классовъ и всѣ прочіе духовные факторы неравенства и угнетенія. Слишкомъ наивно предполагать, что чисто механическимъ путемъ, безъ нравственной борьбы можно спасти человѣчество, что оно застынетъ на одной точкѣ и не пойдетъ снова по тому же пути разъединенія и борьбы.

Соціальная политика.

Соціализмъ съ своимъ безусловнымъ отрицаніемъ экономической свободы, съ стремленіемъ подчинить государству всякое производство и распредѣленіе продуктовъ, а вмѣстѣ

¹⁾ Комментарій. Стр. 120.

съ тѣмъ и личную жизнь индивида, является противоположностью другой крайности въ политической экономіи, такъ называемаго манчестерства, требующаго безусловной свободы экономической дѣятельности, полного невмѣшательства государства въ хозяйственную жизнь. Исходя изъ основныхъ воззрѣній А. Смита, манчестерцы думали, что неограниченная свобода конкуренціи и личный интересъ — единственно вѣрные руководители человѣка въ области хозяйства, способные устранить всякія неустройства въ экономической жизни и принести всеобщее благоденствіе. При всей своей противоположности обѣ эти социальнo-экономическія теоріи имѣютъ глубокое сходство: обѣ онѣ одинаково утопичны. Какъ социализмъ поконтся на вѣрѣ, что естественный порядокъ вещей самъ собою приведетъ человѣчество къ полному примиренію его противорѣчивыхъ интересовъ, какъ только наступитъ коллективистическій строй, такъ и манчестерство въ естественномъ ходѣ вещей, въ свободной игрѣ личныхъ интересовъ видитъ залогъ гармоническаго развитія общественной жизни. И социализмъ, и манчестерство одинаково зиждутся не на точномъ изученіи міра и человѣка, а на оптимистической вѣрѣ въ естественную гармонию и потому одинаково дѣлаютъ почти излишними вмѣшательство разума и воли. Но если въ социализмѣ разрѣшеніе социальной проблемы цѣнуется цѣной свободы и индивидуальности, то въ манчестерствѣ сохраненіе полной свободы, какъ показала исторія, приобрѣталось цѣной безчеловѣчной эксплуатаціи, нищеты и безправія. Поэтому ни тотъ, ни другой способъ разрѣшенія социального вопроса ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ. Безусловное преимущество имѣетъ путь, который дѣлаетъ возможнымъ устраненіе социального зла, не уничтожая индивидуальной свободы. Это путь социальной политики.

Уже историческая школа, основанная въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія В. Рощеромъ, обстоятельно раскрыла положеніе, что хозяйственная дѣятельность человѣка определяется не однимъ стремленіемъ къ богатству и выгодѣ, но и многими другими мотивами, что на ряду съ эгоизмомъ въ человѣкѣ живетъ чувство общественности и симпатіи, проявляющееся въ созданіи семьи, общины и государства. Будучи одной изъ сторонъ народной жизни, хозяйство на-

родовъ есть результатъ множества разнообразныхъ условій не только экономическихъ, но научныхъ, моральныхъ, религиозныхъ, политическихъ воззрѣній и учреждений. Народное хозяйство подчинено извѣстнымъ естественнымъ законамъ, но не безусловно. Оно можетъ быть направляемо къ тѣмъ или другимъ цѣлямъ общественнымъ разумомъ и общественной волей. Развивая далѣе эти взгляды исторической школы, группа экономистовъ, такъ называемыхъ социалистовъ на каѳедрахъ: Брентано, Шмоллеръ, Шефле, Вагнеръ и др., старались особенно раскрыть значеніе нравственнаго элемента въ социальномъ-экономической жизни. По мнѣнію Шмоллера, напримѣръ, процессъ историческаго развитія общественно-хозяйственной жизни выражается въ постепенномъ подчиненіи началамъ права и морали всѣхъ естественно сложившихся отношеній и неравенствъ. Такъ, природа создала различіе расъ, подчиненіе слабаго сильному, рабство и т. д., но право и мораль сглаживаютъ эти естественныя различія. Формы распредѣленія продуктовъ и собственность, хотя и основываются въ извѣстной мѣрѣ на неизмѣнныхъ фактахъ, данныхъ отъ природы, но въ гораздо болѣе степени являются продуктомъ нравственнаго развитія и прогресса и измѣняются подъ вліяніемъ новыхъ моральныхъ воззрѣній и новыхъ правовыхъ отношеній ¹⁾. Отсюда естественно вытекаетъ необходимость нравственнаго воздѣйствія на направленіе экономической жизни, необходимость „соціальной политики“, т. е. такого законодательства, которое ставило бы предѣлы личному произволу и регулировало бы хозяйственные отношенія. Представители социальномъ-этическаго направленія, въ 1872 г. составивъ изъ себя особое ученое общество, названное „союзомъ соціальной политики“, не ограничиваясь одной теоретической стороною дѣла, ставили себѣ задачей содѣйствовать и практическому осуществленію своихъ взглядовъ. При этомъ одни изъ нихъ видѣли средство къ улучшенію положенія рабочаго класса въ самопомощи рабочихъ, другіе—въ принудительной дѣятельности государства („государственный социализмъ“). По мнѣнію послѣднихъ политико-экономистовъ, государство въ цѣляхъ достиженія

¹⁾ А. Чупровъ. Очерки исторіи политической экономіи. Москва. 1904. Стр. 74.

нравственно-культурныхъ идеаловъ обязано не только ограждать и защищать гражданъ, но и помогать имъ, особенно слабымъ и бѣднымъ. Они признають за государствомъ право и обязанность регулировать юридическія отношенія, вытекающія изъ начала частной собственности и договора, и тѣмъ охранять слабые классы отъ эксплуатаціи сильныхъ.

Къ тому же приблизительно выводу пришли социаль-политики, стоявшіе на почвѣ христіанства. Разница была лишь въ томъ, что въ то время какъ первые исходили изъ общихъ этическихъ началъ, христіанскіе социаль-политики строили свои идеалы на опредѣленныхъ христіанскихъ принципахъ. Особенною опредѣленностью воззрѣній отличаются социаль-католики. Ихъ задача реставрировать общество въ духѣ христіанства, осуществить въ социальномъ строѣ истинно-христіанскіе идеалы. Въ программѣ итальянскихъ социаль-политиковъ, выработанной въ 1894 г. Тоніоло, мы читаемъ: „необходимо постоянно имѣть въ виду, какъ высокій и свѣтлый идеалъ, какъ высшую и конечную цѣль нашихъ стремленій, восстановленіе прекраснаго и неизблемаго зданія христіански-католическаго социальнаго порядка съ его вѣчными творческими принципами, возвышенными идеалами, несокрушимыми основами и чудеснымъ историческимъ развитіемъ“. Законы этого порядка, по словамъ программы, даны въ *Corpus juris canonici*. Водвореніе опредѣленнаго социальнаго строя необходимо во-первыхъ какъ цѣль, такъ какъ христіанство, одобряя одни социальныя отношенія, осуждаетъ другія (напр. противорѣчіе интересовъ), и во-вторыхъ какъ средство, такъ какъ опредѣленный христіанскій строй является лучшей, чѣмъ другіе, гарантіей роста христіанскаго сознанія ¹⁾. Протестантскіе социаль-политики въ отличіе отъ католиковъ стараются построить свою социальную программу не на одномъ только откровеніи, но и на изслѣдованіи экономическихъ данныхъ. Пасторъ Гере, напр., видя задачу христіанской партіи въ томъ, „чтобы осуществить и примѣнить въ экономической и социальнo-политической жизни народа все нравственное и религіозное содержаніе христіанскаго ученія“, въ тоже время считаетъ необ-

¹⁾ Зомбартъ. Идеалы социальнoй политики. Пер. Теплова. 1905. Стр. 26 - 27.

²⁾ Ibid. Стр. 29—30.

ходимымъ считаться прежде всего съ экономическими фактами и принципами политической экономіи. „Партія христіанскихъ социалистовъ“, основанная придворнымъ проповѣдникомъ пасторомъ Штекеромъ въ 1878 году, объявляя, что она „стоитъ на почвѣ христіанской вѣры и любви къ королю и отечеству“, требовала отъ государства коренныхъ реформъ: обязательныхъ цеховъ, пользующихся государственными пособіями, рабочаго законодательства, надзора за фабриками, нормировки рабочаго дня, страховыхъ кассъ, прогрессивнаго налога на доходы и наслѣдства ¹⁾).

Подъ вліяніемъ этихъ движеній и отчасти въ цѣляхъ ослабленія социализма принципъ социальной политики былъ официально провозглашенъ германскимъ правительствомъ въ 1881 г. Извѣстное посланіе императора устанавливало принципъ долга государства по отношенію къ „его нуждающимся членамъ, не какъ простое проявленіе гуманности и христіанства“, а какъ „задачу государственно-охранительной политики“ ²⁾. Здѣсь такимъ образомъ социальная политика представляется требованіемъ не только этики и христіанской морали, но и общественнаго блага, залогомъ благополучія и цѣлости государства. „Это было, говоритъ Сеньобосъ, развитіемъ современной идеи о государствѣ, выводимое изъ христіанской морали“ ³⁾. Таково происхожденіе этой идеи или нѣтъ, во всякомъ случаѣ такое представленіе о задачахъ государства стало въ настоящее время господствующимъ. Даже тѣ социаль-политики, которые требуютъ, чтобы социально-политическіе идеалы не заимствовались изъ религіи и этики, а были автономны, противъ указаннаго конкретнаго ихъ содержанія не дѣлаютъ возраженій.

Итакъ социальная политика—вотъ тотъ путь, по которому твердымъ, хотя и медленнымъ, шагомъ слѣдуетъ идти къ разрѣшенію социального вопроса. Что этотъ путь не есть утопія, это неопровержимо доказано тѣми крупными плодами, которыхъ достигла она не смотря на свою молодость. Въ этомъ случаѣ достаточно припомнить налоговый законъ

¹⁾ Ш. Сеньобосъ. Политическая исторія современной Европы. Изд. тов. „Знаніе“, 1903. II. Стр. 440.

²⁾ Ibid. Стр. 436.

³⁾ Ibid.

въ Пруссіи, страхование рабочихъ въ Германіи, аграрную реформу въ Ирландіи. Этимъ испытаннымъ путемъ слѣдуетъ идти къ устраненію соціального зла и въ Россіи. На первой очереди при этомъ должны стоять заботы государства о малоземельномъ крестьянствѣ и рабочемъ классѣ.

Аграрный вопросъ 1).

„Положеніе“ 19 февраля 1861 г., имѣвшее первоначальную свою цѣлью создать для крестьянъ не только правовую, но и экономическую независимость, не достигло своей цѣли благодаря тѣмъ ограниченіямъ, которыя были внесены въ него стараніями помѣщиковъ, не желавшихъ разстаться ни съ землей, ни съ дешевой рабочей силой. То подъ давленіемъ помѣщиковъ, то вслѣдствіе чрезвычайной высоты выкупныхъ платежей, то подъ вліяніемъ слуховъ о предстоявшемъ будто бы переходѣ всей земли въ руки крестьянъ, послѣдніе сами, яко бы добровольно, отказывались иногда отъ узаконенныхъ, безъ того уже урѣзанныхъ надѣловъ. Было много и такихъ, которые, польстясь на дарственную землю подъ усадьбу, совсѣмъ отказывались отъ надѣловъ, такъ какъ продажная цѣна на землю была въ то время разъ въ пять ниже оцѣнки правительства. Вслѣдствіе указанныхъ и нѣкоторыхъ другихъ причинъ земельная обеспеченность помѣщичьихъ крестьянъ при ихъ освобожденіи не только не повысилась, но прямо понизилась. По даннымъ П. Семенова у крестьянъ шести губерній осталось лишь 4/5 находившейся въ ихъ пользованіи земли 2). По расчету проф. Серебрякова въ 8 центральныхъ губерніяхъ осталось необезпеченными землей 11% крестьянъ и 54% скудно-обезпеченными, принимая за скудное обезпеченіе надѣлъ ниже 2 десятинъ. Особенно обидно было положеніе помѣщичьихъ крестьянъ. Въ то время какъ средній надѣлъ для 50 губерній Европейской Россіи въ 1860 году у бывшихъ государ-

1) Для обстоятельнаго знакомства съ аграрнымъ вопросомъ можно рекомендовать превосходный сборникъ „Аграрный вопросъ“, изд. кн. Долгорукова и Петрункевича. Въ немъ помѣщены статьи Герценштейна, Долгорукова, Мануилова, Петрункевича, Чупрова и др.

2) Цифры мы заимствуемъ частью у Мануилова, частью у Герценштейна.

ственныхъ крестьянъ составлялъ 6,7 дес., у бывшихъ удѣльныхъ 4,9 дес., у бывшихъ помѣщичьихъ онъ равнялся лишь 3,2 дес. Если уже въ то время чувствовался недостатокъ въ земельной обеспеченности крестьянъ, то въ наше время благодаря громадному приросту населенія онъ сталъ можно сказать прямо вопіющимъ. За сорокъ лѣтъ населеніе 50 губерній съ 50 милліонами душъ возросло до 86 мил. Если въ 1860 г. средній надѣлъ на душу мужского пола составлялъ 4,8 дес., то въ 1900 г. онъ понизился до 2,6 дес. Въ нѣкоторыхъ западныхъ, среднеземледѣльческихъ и малороссійскихъ губерніяхъ надѣлъ опускается до 1, 7 и даже до 1, 2 дес. Въ Курской губерніи напр. средній крестьянинъ, получившій въ 1861 г. надѣлъ въ $2\frac{2}{3}$ дес. на душу, въ настоящее время имѣетъ не болѣе 1 дес.; о крестьянахъ же, получившихъ низшіе или даровые надѣлы, и говорить нечего. Въ Симбирской губерніи у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ душевой надѣлъ съ 2,6 дес. сократился до 0,9 д. Насколько мало обезпечиваетъ крестьянина даже средній надѣлъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ. Коммиссія по оскудѣнію центра пришла къ выводу, что при продовольственной нормѣ въ 20 пуд. хлѣба на душу, и кормовой въ 40 п. овса на 1 лошадь, приходится при среднемъ урожаѣ на одну душу обоого пола продовольственныхъ полевыхъ продуктовъ 16,6 пуд., а кормовыхъ на рабочую лошадь 23,6 пуд. Въ Сводѣ трудовъ мѣстныхъ комиссій по землевладѣнію высчитано, что общій доходъ средняго крестьянскаго двора исчисляется въ 98 р. 56 к.; для того же, чтобы прокормиться и одѣться крестьянской семьѣ, необходимо въ годъ 158 р. 88 к. Но что же сказать о крестьянахъ съ низшими надѣлами? Естественнымъ слѣдствіемъ крайняго малоземелья крестьянъ являются обнищаніе деревни, хроническія голодовки и аграрные безпорядки. Лишь сытая пошлость можетъ видѣть причину послѣднихъ исключительно въ крестьянской распущенности и въ бездѣйствіи власти. „Что же достигнуть строгіе законы, говоритъ проф. Мануковъ, если существующая земельная тѣснота *вынуждаетъ* крестьянъ расширять площадь своего землепользованія во что бы то ни стало? Можно ли ожидать непоколебимаго уваженія къ чужой собственности отъ человѣка, который стоитъ передъ дилеммой: голодать или захватить чужое?“ Очевидно,

дѣло не можетъ продолжаться такимъ образомъ. Государство обязано придти на помощь сословію, составляющему $\frac{4}{5}$ населенія. Этого требуютъ его собственные интересы.

Какими же средствами располагаетъ государство къ поднятію крестьянскаго хозяйства? Такихъ средствъ не мало, но большая часть ихъ оказывается палліативами, не способными устранить главное зло. Таковымъ прежде всего является крестьянскій банкъ. Имѣя характеръ коммерческаго предпріятія, заботясь болѣе о томъ, чтобы не потерпѣть убытковъ, а не о надѣленіи землей дѣйствительно малоземельныхъ, онъ обслуживалъ до сихъ поръ главнымъ образомъ интересы наиболѣе зажиточнаго крестьянства. Изъ семи мил. дес., купленныхъ имъ для крестьянъ въ теченіе 20 лѣтъ, большая часть приобрѣтена или отдѣльными наиболѣе обезпеченными крестьянами или товариществами зажиточныхъ крестьянъ съ исключеніемъ бѣднѣйшихъ, особенно нуждающихся въ землѣ. Кромѣ того производя покупку на почвѣ свободнаго соглашенія, онъ содѣйствовалъ сильному повышенію цѣнъ на землю, а при расширеніи своей дѣятельности можетъ довести ихъ до чрезмѣрныхъ предѣловъ. Другое средство къ поднятію крестьянскаго благосостоянія указываютъ въ развитіи сельско-хозяйственной техники (интенсификаціи). Путемъ рациональной обработки земли можно увеличить урожайность хлѣбовъ въ нѣсколько разъ. Въ западныхъ странахъ урожайность превосходитъ нашу въ 2, 3 и даже болѣе разъ. „Обычные наши урожаи на крестьянскихъ земляхъ въ 35—40 пудовъ ржи на десятину, говоритъ проф. Чупровъ, до такой степени ничтожны, что самыхъ примитивныхъ, всѣмъ доступныхъ улучшеній довольно для того, чтобы поднять урожай на половину противъ нынѣшняго его уровня. По многочисленнымъ наблюденіямъ агрономовъ, одного лучшаго подбора сѣмянъ почти что достаточно для полученія такой прибавки. Но вѣдь техника располагаетъ несравненно болѣе могущественными средствами. Урожай въ 30 квинталовъ ржи на гектаръ, или въ 200 пудовъ на десятину, считается въ мѣстностяхъ съ широкимъ примѣненіемъ искусственныхъ туковъ дѣломъ довольно зауряднымъ“ ¹⁾. Но не говоря уже о томъ, что культура сельскаго

¹⁾ Аграрный вопросъ. Стр. 43.

хозяйства, требующая высокаго поднятія какъ общаго, такъ и техническаго образованія народа, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть дѣломъ ближайшаго будущаго,—на это въ Германіи и Франціи потребовалось цѣлое столѣтіе,—она невозможна безъ извѣстнаго минимума земельной площади. „Есть извѣстный minimum хозяйственной площади, говоритъ В. Постниковъ, ниже котораго крестьянское хозяйство не можетъ опускаться, потому что оно становится тогда невыгоднымъ и даже невозможнымъ“ ¹⁾. Благодаря крайнему малоземелью нашъ крестьянинъ вынужденъ запахивать возможно большую часть надѣла въ ущербъ кормовымъ угодьямъ, чѣмъ лишаетъ себя возможности поддерживать скотоводство въ размѣрѣ, необходимомъ для удобренія. Въ то время какъ въ частныхъ имѣніяхъ пахотной земли въ 50 губерніяхъ за 1890 г. было лишь 31,2⁰/₀, у крестьянъ ея было 59,4⁰/₀. Предлагаютъ для увеличенія крестьянскихъ надѣловъ употребить государственныя и удѣльныя земли. Но этого слишкомъ недостаточно. Изъ 124 милл. десятинъ государственной земли въ Европейской Россіи 120 милл. дес. составляютъ лѣсныя пространства, расположенныя къ тому же преимущественно въ Архангельской, Вологодской, Вятской и Костромской губерніяхъ. Площадь оброчныхъ статей равна лишь 4 милл. дес. Но большая часть этихъ земель уже теперь находится въ арендѣ у крестьянъ. Изъ 7,3 мил. дес. удѣльной земли 4,5 милл. дес. находятся въ семи сѣверныхъ губерніяхъ: изъ остальныхъ 3 милл. дес. болѣе 1 милл. дес. расположено въ Самарской губерніи, 0,8 милл. дес. въ Симбирской; въ остальныхъ же губерніяхъ—самое незначительное количество. Къ тому же земли эти покрыты болшею частью лѣсами, а оброчныя статьи находятся уже въ арендѣ.

Если всѣ указанныя палліативы не въ состояніи удовлетворительно разрѣшить аграрнаго вопроса, то другія мѣры, предлагаемыя для этой цѣли, страдаютъ противоположнымъ недостаткомъ. Въ корнѣ устраняя повидимому все зло крестьянскаго малоземелья, онѣ въ тоже время совершенно не считаются съ наличными условіями, современными понятіями и классовыми интересами, расчитывая сразу пере-

¹⁾ Ibid. Стр. 48.

создать современный строй и измѣнить существующія правовыя понятія. Къ такимъ совершенно утопическимъ мѣрамъ слѣдуетъ отнести прежде всего проектъ націонализаціи земли, т. е. отнятіе земли въ собственность государства съ предоставленіемъ ея въ распоряженіе тѣхъ, кто ее обрабатываетъ. Эта мѣра была бы величайшею несправедливостью по отношенію къ землевладѣльцамъ. Нѣтъ никакой возможности разграничивать собственность на землю и собственность на капиталъ, такъ какъ та и другая покоится на одинаковыхъ правахъ, та и другая въ равной степени не есть продуктъ собственного труда. Было бы поэтому въ высшей степени несправедливо отнять земли и оставить капиталъ, такъ какъ земля получила теперь значеніе товара и капитала. „Тѣ, которые допускаютъ переходъ земли въ руки государства безъ выкупа, говоритъ проф. Герценштейнъ ¹⁾, совершенно упускаютъ изъ виду, что земля въ настоящее время подлежитъ продажѣ, какъ всякое другое имущество, и что многіе изъ нынѣшнихъ владѣльцевъ пріобрѣли свои имѣнія путемъ покупки. Поэтому лишеніе ихъ благопріобрѣтеннаго имущества было бы несправедливостью, которую съ точки зрѣнія современныхъ правовыхъ нормъ нельзя было бы оправдать. Съ другой стороны нельзя игнорировать и того, что конфискація ихъ безъ вознагражденія владѣльцевъ нанесла бы огромный ущербъ ихъ кредиторамъ, т. е. многочисленному разряду лицъ, помѣщающихъ свои сбереженія въ закладныхъ листахъ земельныхъ банковъ... Тотъ, кто владѣетъ капиталомъ во всѣхъ его видахъ, по прежнему сохранить свое имущество, тотъ же, который имѣетъ землю или помѣстилъ свое имущество подъ залогъ земли, долженъ будетъ разстаться съ нимъ“. Существуетъ впрочемъ такой проектъ націонализаціи земли, который, не отнимая земли у прежнихъ ея владѣльцевъ и повидимому не нарушая справедливости, въ то же время открываетъ полный доступъ къ землѣ всякому, желающему обрабатывать ее. Этотъ проектъ принадлежитъ извѣстному американскому публицисту Генри Джорджу. Весь смыслъ его проекта выражается въ слѣдующихъ словахъ: „намъ нѣтъ нужды прямо лишить лендлорда его владѣній: достаточно будетъ извести его налогами“ ²⁾.

¹⁾ Аграрный вопросъ. Герценштейнъ. 1905 г. Стр. 76—77.

²⁾ Метевъ. Соціализмъ въ Англіи. Стр. 203.

Съ этою цѣлью Джорджъ предлагаетъ, уничтоживъ всѣ другіе налоги, обложить землю такимъ налогомъ, который поглотилъ бы годовой чистый земельный доходъ и равнялся бы арендной платѣ. Въ такомъ случаѣ земля перестанетъ сама по себѣ давать прибыль; послѣдняя будетъ лишь результатомъ труда. Это заставитъ землевладѣльцевъ отказаться отъ пользованія землей, которую они не обрабатываютъ, и откроетъ доступъ къ ней всѣмъ желающимъ работать. „Обложите землю соотвѣтственно ея полной стоимости, говоритъ Джорджъ, и отъ права собственности не останется и слѣда: самый богатый землевладѣлецъ окажется не въ состояніи владѣть пустою землей“ ¹⁾. Въ такомъ случаѣ не возникаетъ никакого вопроса и о вознагражденіи, такъ какъ нельзя вознаграждать человѣка за то, что онъ сдѣланъ плательщикомъ налога. У насъ въ Россіи популяризаторомъ этого проекта явился Л. Толстой, который считаетъ его справедливымъ, практичнымъ и удобопримѣнимымъ ²⁾. Но онъ совсѣмъ не таковъ въ дѣйствительности. Для всякаго ясно, что обложеніе земли налогомъ, равнымъ арендной платѣ, есть замаскированная конфискація земли, уничтоженіе всякой ея цѣнности. Въ то время какъ земельные собственники были бы лишены дохода, приносимаго землей, капиталисты продолжали бы пользоваться доходами съ капитала. Несправедливость остается тоже, что и при прямой экспроприаціи земли. Кромѣ того, противъ проекта Джорджа говоритъ и много практическихъ соображеній. Въ Англіи, гдѣ вся земля принадлежитъ сравнительно незначительному количеству владѣльцевъ и, гдѣ крестьяне являются простыми сельскими батраками, не имѣющими даже собственныхъ хижинъ ³⁾, проектъ Джорджа можетъ еще вызвать сочувствіе народной массы. Русскіе крестьяне, имѣющіе земельную собственность, конечно не согласятся на конфискацію земли, въ какой бы она ни предлагалась формѣ. Не согласятся они и на земельный налогъ, равный арендной платѣ, и освобождающій отъ налога капиталистовъ. Да и

¹⁾ Герценштейнъ. Аграрный вопросъ. Стр. 41.

²⁾ Великій грѣхъ. Изд. Посредника. 1905. Стр. 20. 41.

³⁾ Въ 1875 г. изъ 36 милл. народонаселенія лишь 1 милл. владѣлъ земель, причемъ у 52 тысячъ владѣльцевъ было меньше одного акра земли. См. Соціализмъ въ Англіи. Стр. 155.

независимо отъ этого, указанная реформа принесла бы мало пользы крестьянамъ. Имъ пришлось бы платить за землю приблизительно тоже, что платятъ они и теперь, арендуя ее у помѣщиковъ. И не все ли равно въ сущности, кому приходится имъ платить арендную плату, государству или собственникамъ? Сомнительно наконецъ и то, чтобы эта реформа могла облегчить доступъ къ землѣ для бѣднаго люда. Такъ какъ по проекту Джорджа не полагается никакихъ ограниченій въ размѣрѣ участковъ, сдаваемыхъ въ пользованіе, то земля скорѣе перейдетъ къ богатымъ, чѣмъ къ бѣднымъ, потому что первые съ помощью капитала и техническихъ примѣненій могутъ получить большую прибыль. Полная свобода капитала, при существованіи одного лишь налога на землю, должна создать, какъ правильно предполагаетъ Герценштейнъ, фермерство, т. е. крупное капиталистическое хозяйство. Всѣ означенныя особенности проекта Джорджа дѣлаютъ его мало осуществимымъ, несправедливымъ и нецѣлесообразнымъ.

Единственно вѣрнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ въ борьбѣ съ малоземельемъ и необеспеченностью крестьянъ остается признать принудительное отчужденіе частновладельческихъ земель съ вознагражденіемъ ихъ владѣльцевъ по справедливой цѣнѣ. Эта мѣра не нарушаетъ, а только ограничиваетъ права собственности. Такое ограниченіе правъ собственности по современнымъ понятіямъ составляетъ неотъемлемое право государства, разъ оно требуется общественной пользой или государственной необходимостью. 17-й пунктъ деклараціи правъ человѣка и гражданина гласитъ: „такъ какъ право собственности ненарушимо и священно, то никто не можетъ быть лишенъ своей собственности, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда этого требуетъ общественная польза, законнымъ порядкомъ удостовѣренная, и не иначе, какъ подъ условіемъ предварительной уплаты справедливаго вознагражденія“ ¹⁾. На этомъ основаніи государство отчуждаетъ земли при проведеніи желѣзныхъ дорогъ, устройствѣ крѣпостей и т. д. На этомъ же основаніи оно въ правѣ прибѣгнуть къ принудительному выкупу для дополнительнаго

¹⁾ Еллинекъ. Декларация правъ человѣка и гражданина. Русск. пер. подъ ред. Вормса. 1906. Стр. 31.

надѣленія малоземельныхъ крестьянъ. Этого требуетъ общественная польза. „Въ правильномъ разрѣшеніи аграрнаго вопроса, говоритъ проф. Мануиловъ, заинтересована вся страна. Въ Россіи, гдѣ $\frac{4}{5}$ населенія принадлежатъ къ крестьянству, связанному съ землею, всѣ стороны государственной жизни находятся въ тѣсной зависимости отъ положенія крестьянской массы. Если она хронически не доѣдаетъ, живетъ въ условіяхъ, недостойныхъ человѣческаго существованія, и не видитъ никакихъ шансовъ для подъема своего благосостоянія, то правильное и мирное развитіе страны въ цѣломъ становится невозможнымъ. Народная нищета служитъ почвой, на которой развиваются бактеріи, подтачивающія государственный организмъ: крестьянская изба становится очагомъ эпидемій, а самъ крестьянинъ, живя впроголодь, является плохимъ плательщикомъ налоговъ и скуднымъ покупателемъ издѣлій промышленности; если онъ забить и смиренъ, его ждетъ вырожденіе, а при нѣкоторомъ развитіи самосознанія и запасѣ энергіи онъ стремится силою добиться того, что считаетъ своимъ правомъ“ 1). „Для законодательной власти при осуществленіи какихъ бы то ни было реформъ, говорилъ проф. Хвостовъ на совѣщаніи по аграрному вопросу, не можетъ быть вопроса о неприкосновенности права вообще и права собственности въ частности, ибо всякая крупная реформа неизбежно связана съ ломкой дѣйствовавшего ранѣе нея права. Примѣромъ можетъ служить хотя бы и реформа 1861 г., когда рѣзко были нарушены имущественныя права помѣщиковъ... Законодательная власть руководится не формальнымъ правомъ, источникомъ котораго она сама является, а справедливостью и соображеніями государственной необходимости“ 2). Съ практической стороны указанная мѣра не представляетъ особенныхъ затрудненій вслѣдствіе громадной задолженности частнаго землевладѣнія. Къ 1 іюля 1904 г. за исключеніемъ долга крестьянскому банку задолженность землевладѣльцевъ равнялась 1727 милл. рублей. Большая часть этого долга можетъ быть переведена на отчуждаемую землю, что избавитъ государство отъ выпуска большого количества процентныхъ бумагъ. По расчету

1) Аграрный вопросъ. Стр. 63.

2) Ibid. Стр. 310.

Мануилова, если изъ частновладѣльческихъ земель, равняющихся для 50 губерній за исключеніемъ лѣсныхъ пространствъ 55 милліонамъ дес., выкупить 21—23 милл. дес., то это увеличило бы надѣлы малоземельнаго населенія въ 1½ раза ¹⁾.

Послѣ всего сказаннаго намъ не трудно оцѣнить достоинство политическихъ программъ со стороны ихъ аграрной политики. Очевидно, что наиболѣе правильное рѣшеніе аграрнаго вопроса даетъ программа конституціоналистовъ-демократовъ, предлагающая увеличеніе площади землепользованія для безземельныхъ, малоземельныхъ крестьянъ и другихъ мелкихъ хозяевъ-землевладѣльцевъ государственными, удѣльными и пр. землями, а также путемъ отчужденія для той же цѣли за счетъ государства въ потребныхъ размѣрахъ частновладѣльческихъ земель съ вознагражденіемъ нынѣшнихъ владѣльцевъ по справедливой (не рыночной) оцѣнкѣ. Принудительное отчужденіе допускаетъ и „Союзъ 17 октября“, но лишь въ крайнемъ случаѣ, при недостаточности другихъ мѣръ. Эта оговорка даетъ партіи право откладывать аграрную реформу въ далекое будущее. Мѣра, выставляемая социаль-революціонерами, по своей утопичности, непримѣнимости къ современнымъ правовымъ понятіямъ и къ экономическимъ условіямъ русскаго крестьянства, не можетъ быть признана удовлетворительной. Наоборотъ, крайняя правая страдаетъ противоположнымъ недостаткомъ. Въ аграрномъ вопросѣ она проводитъ принципъ манчестерства. Такъ „Союзъ землевладѣльцевъ“, уже послѣ 17 октября поставившій своей задачей стремиться законными средствами къ восстановленію самодержавія во всей его неприкосновенности, по аграрному вопросу высказывается слѣдующимъ образомъ: „крестьянское малоземелье является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ обязательнаго надѣленія крестьянъ землею, создавшаго то ошибочное предположеніе, будто государство обязано обезпечивать землею все населеніе страны. Дальнѣйшее расширеніе площади крестьянскаго землевадѣнія должно совершаться не иначе, какъ естественнымъ экономическимъ путемъ,—путемъ приобрѣтенія въ собственность, исключительно по свободному согла-

¹⁾ Ibid. Стр. 66—69.

шенію, съ устраненіемъ всякаго понужденія всѣхъ свободныхъ казенныхъ, удѣльныхъ и частныхъ земель“. При этомъ онъ заявляетъ: „Союзъ землевладѣльцевъ долженъ стать тѣмъ органомъ, чрезъ посредство котораго многострадальный народъ-земледѣлецъ выскажетъ свои вѣковыя нужды и свою, продуманную въ тиши полей, глубокую государственную думу“ (*Моск. Вѣд.* 1905, 18 ноября). Читатель безъ всякаго нашего поясненія пойметъ внутреннюю связь монархизма и манчестерства нашихъ крупныхъ землевладѣльцевъ и по достоинству оцѣнитъ ни то наивное, ни то слишкомъ политичное—желаніе выступить въ качествѣ печальниковъ многострадальнаго народа. Для насъ важно здѣсь то, что „Союзъ землевладѣльцевъ“ устраняетъ всякое вмѣшательство государства въ положеніе малоземельныхъ крестьянъ, рекомендуя ему лишь „твердую и неуклонную защиту права собственности“, и считаетъ состояніе батрачества вполне нормальнымъ для крестьянъ. Монархическая партія, настаивая на полной неприкосновенности имущественныхъ правъ, видитъ средство къ улучшенію крестьянскаго быта лишь въ интенсификаціи хозяйства и въ переселеніи крестьянъ. Всѣ правыя партіи такъ или иначе считаются съ малоземельемъ и бѣдностью нашихъ крестьянъ и указываютъ различныя средства къ улучшенію ихъ положенія. Прогрессивная экономическая партія предлагаетъ: упорядоченіе земельныхъ владѣній въ цѣляхъ распространенія мелкаго хуторскаго и кооперативнаго хозяйства, увеличеніе въ тѣхъ же цѣляхъ площади землепользованія, учрежденіе государственнаго банка поземельнаго кредита и т. п.; партія представителей промышленности и торговли проектируетъ содѣйствіе государства къ уничтоженію черезполосицы, къ созданію хуторскаго хозяйства и къ развитію земледѣльческихъ коопераций, увеличеніе площади землепользованія безземельныхъ и малоземельныхъ посредствомъ содѣйствія образованію на свободныхъ казенныхъ земляхъ мелкихъ хуторскихъ хозяйствъ, созданіе государственнаго поземельнаго банка и т. д.; партія правового порядка желаетъ дополнительнаго надѣленія малоземельныхъ крестьянъ землею со справедливымъ вознагражденіемъ лицъ и вѣдомствъ, отъ которыхъ переходила бы къ нимъ земля. Но всѣ эти мѣры при незначительности казенныхъ земель пригодныхъ для пользованія, и при условіяхъ свободной про-

дажи не могутъ оказать дѣйствительной помощи наиболѣе нуждающемуся населенію. Судьба послѣдняго будетъ зависѣть не только оттого, способно оно купить и арендовать или нѣтъ, но и отъ воли землевладѣльцевъ, хотя бы тѣхъ, которые желали бы видѣть въ крестьянахъ дешевыхъ батраковъ. Радикалы предлагаютъ путемъ экспропріаціи казенныхъ и части частновладѣльческихъ земель образовать земельный фондъ для отдачи земель въ арендное пользованіе лично обрабатывающимъ землю. Эта мѣра есть шагъ къ націонализаціи земли по проекту Джорджа и, какъ мы уже видѣли, будетъ служить интересамъ скорѣе зажиточныхъ, чѣмъ бѣдныхъ крестьянъ.

Рабочій вопросъ ¹⁾.

Главное зло въ жизни пролетаріата составляетъ не столько его бѣдность, сколько другія своеобразныя особенности его положенія. Не имѣя никакой собственности, кромѣ своей рабочей силы, онъ вынужденъ продавать эту послѣднюю и только такимъ путемъ снискивать себѣ пропитаніе. Съ прекращеніемъ работы исчезаетъ для него и источникъ существованія. Эта необезпеченность существованія, порождаемая не только случайными обстоятельствами, болѣзнью, увѣчьемъ, старостью, но и простымъ капризомъ хозяина, ставитъ его къ послѣднему въ положеніе тяжелой личной зависимости. Продавая лишь рабочую силу, рабочій въ дѣйствительности почти продаетъ себя самого. Но худшее можетъ быть еще не въ этомъ. Вынужденный проводить на фабрикѣ или заводѣ столько времени, сколько позволяютъ его физическія и духовныя силы, онъ является въ домъ лишь для того, чтобы возстановить свои силы и потому лишенъ всякой возможности руководить семьей, воспитывать дѣтей и испытывать на себѣ благотворное вліяніе мирной семейной обстановки. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого является постепенное разрушеніе основъ семейной жизни, огрубѣніе и порча нравовъ. Разрушеніе семьи и порча нравовъ среди рабочихъ идетъ впрочемъ и болѣе прямымъ путемъ. Для

¹⁾ Обстоятельное знакомство съ сущностью рабочаго вопроса даетъ книга В. Зомбарта „Рабочій вопросъ въ промышленности“. Перев. Выsockой—Ермоловой. 1905.

увеличенія заработка рабочій вынужденъ посылать на работу жену и даже дѣтей. Не окрѣпшія еще физически, они цѣлые дни проводятъ въ той же негигіенической и развращающей обстановкѣ, что и ихъ родители. Тамъ среди чужихъ людей, ничѣмъ съ ними несвязанныхъ кромѣ общей работы, вдали отъ матери и отца, лишеныя свѣта, воздуха и близости къ природѣ, получаютъ они свое физическое и нравственное воспитаніе. Всѣ эти особенности въ положеніи рабочаго пролетаріата, съ какой бы мы стороны ни смотрѣли на нихъ, представляютъ собою явныя ненормальности, несовмѣстимыя съ человѣческимъ достоинствомъ и требующія ихъ устраненія. Такъ самъ собою возникаетъ рабочій вопросъ.

Соціальная политика выработала два пути къ разрѣшенію рабочаго вопроса: самопомощь рабочихъ и государственное вмѣшательство. Первая заключается въ образованіи профессиональных союзовъ, второе въ законодательной охранѣ труда.

Профессиональные союзы имѣютъ своею цѣлью охрану интересовъ рабочаго класса въ границахъ капиталистическаго строя. Отсюда профессиональное рабочее движеніе должно быть рѣзко отлнчаемо отъ социалистическаго движенія. „Только грубое невѣжество или злой умыселъ, говоритъ Зомбартъ, можетъ не признавать этого различія обоихъ видовъ рабочаго движенія основнымъ, дѣйствительнымъ и опредѣляющимъ“ ¹⁾. Смыслъ и цѣль профессиональных союзовъ заключается въ слѣдующемъ. Рабочая сила есть въ сущности товаръ. Стоимость ея зависитъ отъ состоянія рабочаго рынка, т. е. отъ количества спроса и предложенія. Чѣмъ больше предложенія рабочей силы, тѣмъ меньше наемная плата. Отсюда въ интересахъ рабочаго класса воспрепятствовать излишнему предложенію рабочей силы. Средствомъ для этого служить присканіе работы для безработныхъ въ мѣстахъ, гдѣ чувствуется нужда въ нихъ, и матеріальная поддержка безработныхъ, дающая имъ возможность выжидать болѣе благопріятныхъ условій для своего найма. Однако такое уравниваніе спроса и предложенія труда не исключаетъ еще эксплуатаціи рабочихъ. Дѣло въ томъ,

¹⁾ Рабочій вопросъ въ промышленности. Стр. 36.

что въ договорѣ предпринимателя съ рабочими сильнѣйшей стороной всегда является капиталистъ, такъ какъ онъ имѣетъ менѣе нужды пустить въ оборотъ свой капиталъ, чѣмъ рабочій продать свой трудъ. Необходимость продать его во что бы то ни стало составляетъ слабую сторону рабочаго класса и источникъ его эксплуатаціи. Чтобы договоръ былъ заключенъ при нормальныхъ условіяхъ, необходимо съ одной стороны заставить предпринимателя болѣе дорожить рабочей силой, съ другой стороны по возможности обезвредить для каждаго рабочаго отказъ отъ невыгодныхъ условій эксплуататора. Средствомъ для этого являются такія товарищескія организаціи, въ которыхъ каждый стоялъ бы за всѣхъ и всѣ за одно, въ которыхъ группа рабочихъ образуетъ какъ бы одно лицо. Лишь въ такомъ случаѣ рабочіе становятся въ нормальное положеніе свободно договаривающейся стороны и могутъ гарантировать себя отъ эксплуатаціи предпринимателя. Для подкрѣпленія своихъ требованій, когда послѣднія не удовлетворяются предпринимателями, рабочіе объявляютъ стачку или забастовку. Но это крайнее средство. Главная цѣль союзовъ оказывать нравственное давленіе на предпринимателей, которыхъ уже одна возможность стачки дѣлаетъ болѣе уступчивыми по отношенію къ рабочимъ. Само собой разумѣется, что стачки сами по себѣ, когда онѣ протекаютъ мирно, ничего не заключаютъ въ себѣ противнаго нравственнымъ или правовымъ нормамъ. Если каждый въ отдѣльности воленъ отказаться отъ невыгодной работы, то очевидно можетъ сдѣлать это и цѣлая группа рабочихъ. Исключеніе составляютъ лишь тѣ забастовки, которыя наносятъ ущербъ не только предпринимателю, но и обществу или государству. Но и въ этихъ случаяхъ за нихъ должны отвѣчать столько же рабочіе, сколько и предприниматели.

Профессіональные рабочіе союзы имѣютъ чрезвычайно важное значеніе, служа противовѣсомъ эксплуататорскимъ стремленіямъ предпринимателей, въ значительной степени парализующимъ ненормальности капиталистическаго строя. И лишь правительство, стоящее на службѣ у буржуазіи, можетъ относиться къ нимъ враждебно. Правительство же, не только гуманное, но и просто стоящее на высотѣ пониманія своихъ чисто государственныхъ задачъ, всячески должно содѣйствовать развитію професіональнаго движенія, находя

въ немъ сильную нравственную поддержку въ крайне сложномъ дѣлѣ примиренія классовыхъ интересовъ. Всякому извѣстно, что этого нельзя сказать о нашемъ правительствѣ ¹⁾. Однако профессиональные союзы не получили еще такого развитія ни въ одномъ государствѣ, а тѣмъ болѣе въ Россіи, чтобы быть въ силахъ разрѣшить рабочій вопросъ. На помощь имъ должно придти государство. Только оно при помощи спеціальнаго законодательства можетъ поставить въ нормальныя отношенія договаривающіяся стороны и спасти рабочій классъ отъ эксплуатаціи предпринимателей ²⁾. Соответственно указаннымъ выше ненормальностямъ въ положеніи промышленнаго пролетаріата государственное попеченіе о немъ должно выразиться въ запрещеніи работать определеннымъ категоріямъ рабочихъ, дѣтямъ, подросткамъ, женщинамъ во всѣхъ или только отдѣльныхъ производствахъ, въ ограниченіи рабочаго времени, въ определенныхъ постановленіяхъ относительно фабричной гігіены и „фабричной нравственности“, въ государственномъ страхованіи рабочихъ на случай болѣзни и старости, въ попеченіи о безработныхъ, въ квартирной реформѣ и т. д.

Съ указанной точки зрѣнія тѣ мѣры къ улучшенію рабочаго быта, какія предлагаютъ социалистическія программы, заслуживаютъ полнаго вниманія. Существенный недостатокъ этихъ программъ заключается въ томъ, что онѣ цѣляютъ лишь тѣ реформы, которыя косвенно готовятъ социальную революцію, и не сочувствуютъ тѣмъ, которыя улучшаютъ положеніе рабочихъ въ предѣлахъ признанія капиталистическаго строя и права собственности. Онѣ отрицательно относятся поэтому къ профессиональнымъ союзамъ, поскольку требованіемъ нормальной платы они выражаютъ законное признаніе капитала, а также къ рабочимъ коопераціямъ, стремящимся превратить рабочихъ въ собственниковъ. Второіі недостатокъ социалистическихъ программъ тотъ, что онѣ требуютъ немедленнаго проведенія рекомендуемыхъ ими

¹⁾ Объ отношеніи нашего правительства къ стачкамъ см. въ книгѣ Прокоповича: Къ рабочему вопросу въ Россіи. 1905. Стр. 45—76.

²⁾ Доказательствомъ непрочности побѣдъ, достигаемыхъ путемъ стачекъ, можетъ служить напр. тотъ фактъ, что въ январѣ на нѣкоторыхъ московскихъ фабрикахъ рабочій день съ 10 часовъ увеличился опять до 11 ч. (*Русск. Вѣд.* 17 янв.).

мѣръ, что по современнымъ экономическимъ условіямъ прямо невозможно. Еслибы какое государство рѣшилось осуществить всѣ эти требованія, то оно сдѣлало бы свою промышленность неспособной къ иностранной конкуренціи, привело бы ее къ банкротству и осудило бы рабочихъ на безработицу ¹⁾. Отсюда, если нѣкоторыя мѣры къ охранѣ труда, напр. государственное страхованіе, учрежденіе фабричной инспекціи при участіи выборныхъ отъ рабочихъ, могутъ быть введены немедленно, то другія, напр. повсемѣстное введеніе 8—часового рабочаго дня и запрещеніе дѣтскаго труда, должны осуществляться съ нѣкоторою постепенностью. Первый изъ указанныхъ недостатковъ устраняетъ уже радикальная программа, не ставящая себѣ конечныхъ цѣлей социализма. Но ей присущъ второй недостатокъ, именно нежеланіе считаться съ дѣйствительностію. Лишь конституціонно-демократическая партія устраняетъ оба недостатка социалистическихъ программъ, съ одной стороны ратуя за свободу рабочихъ союзовъ и за право стачекъ, съ другой стороны требуя *постепеннаго* введенія 8—часового рабочаго дня тамъ, гдѣ немедленное осуществленіе этой нормы невозможно, и *развитія* охраны труда и дѣтей. Что касается партій, стоящихъ вправо, то ихъ программы по рабочему вопросу отличаются неполнотою и неопредѣленностью. Прогрессивная экономическая партія ничего не говоритъ въ своей программѣ о максимумѣ рабочаго дня, о запрещеніи ночного труда, объ участіи выборныхъ отъ рабочихъ въ фабричной инспекціи, объ уголовной отвѣтственности за нарушеніе законовъ объ охранѣ труда и т. д. Партія правового порядка говоритъ лишь вообще о возможномъ сокращеніи рабочаго дня, объ обязательномъ страхованіи рабочихъ и лучшемъ устройствѣ условій ихъ жизни. „Союзъ 17 октября“ ставитъ въ свою программу мѣры по обезпеченію рабочихъ и ихъ семей на случай болѣзни, инвалидности и смерти, мѣры къ постепенному осуществленію страхованія рабочихъ и къ ограниченію рабочаго времени для женщинъ и дѣтей.

¹⁾ Необходимость международныхъ соглашеній для охраны труда вызвало учрежденіе въ 1900 г. „Международнаго общества законодательной охраны труда“, имѣющее свои секціи во всѣхъ промышленныхъ странахъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что неопредѣленность программы составляетъ въ ней громадный недостатокъ. Она даетъ возможность представителямъ партіи впадать въ нее произвольное содержаніе и главное скрывать свои истинные интересы и цѣли. Партія представителей промышленности и торговли, хотя и предлагаетъ различныя государственныя мѣры въ интересахъ рабочихъ, однако настаиваетъ на томъ, чтобы продолжительность рабочаго дня и другія условія труда при свободѣ союзовъ, стачекъ и забастовокъ устанавливались по взаимному соглашенію предпринимателей и рабочихъ. Партія желаетъ, слѣдовательно, устранить вмѣшательство государства въ условія договора, считая достаточными для защиты интересовъ рабочихъ союзы и стачки. Но легко понять, что послѣдніе могутъ быть парализованы подобными же союзами предпринимателей. Что касается программъ „Союза землевладѣльцевъ“ и монархической партіи, то рабочій вопросъ въ нихъ совсѣмъ отсутствуетъ. И это вполне естественно. Проводя принципъ манчестерства въ аграрной области, эти партіи изъ послѣдовательности не могутъ настаивать на вмѣшательствахъ государства и въ рабочемъ вопросѣ.

Налоговый вопросъ.

Русская финансовая система, какъ впрочемъ и большинство иностранныхъ финансовыхъ системъ, отдаетъ рѣшительное предпочтеніе косвенному обложенію передъ прямымъ. Въ росписи на 1906 годъ, напримѣръ, косвенные налоги, не считая колоссальнаго питейнаго сбора, составляютъ почти 425 милл. р., тогда какъ прямыхъ налоговъ лишь 148 милл. рублей. Въ началѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія наше министерство финансовъ выработало и представило на разсмотрѣніе государственнаго совѣта проектъ подоходнаго обложенія, но новый министръ финансовъ С. Ю. Витте взявъ законопроектъ, какъ несовершенный, обратно и для восполненія государственнаго бюджета началъ усиливать косвенное обложеніе, главнымъ образомъ на предметы массоваго потребленія. Естественнымъ слѣдствіемъ такой системы было то, что главная тяжесть налоговъ падала на трудящееся населеніе ¹⁾. Если ранѣе мы говорили объ эксплуатаціи бѣднаго

¹⁾ Въ Клинскомъ уѣздномъ комитетѣ о нуждахъ сельско хозяйственной промышленности было высчитано, что самая бѣдная крестьянская семья

населенія классомъ имущихъ, то въ данномъ случаѣ имѣеть мѣсто эксплуатація его самимъ государствомъ. Въмѣсто того, чтобы притти на помощь нуждающейся массѣ, государство сознательно ее разоряетъ.

Истинные принципы налоговой системы выяснены въ настоящее время настолько, что почти не вызываютъ споровъ. Считается установленнымъ положеніе, что настоящимъ источникомъ налога долженъ быть доходъ, и по возможности чистый доходъ. Отсюда самой правильной формою обложенія является прямой подоходный налогъ. Косвенный налогъ, назначаемый преимущественно на предметы потребленія, мотивируется обычно тѣмъ соображеніемъ, что по размѣру потребленія можно судить о количествѣ доходовъ потребителей. Въ одномъ изъ своихъ докладовъ графъ Витте въ бытность свою министромъ финансовъ писалъ: „косвенное обложеніе въ каждый данный моментъ обильнѣе оплачивается тою частью населенія, которая обладаетъ наиболѣе покупною способностью, а слѣдовательно, и вообще распределяется между плательщиками въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ ихъ платежными силами“. Но очевидно, что это заблужденіе. Бѣдная семья, состоящая изъ большого количества членовъ, потребить конечно больше соли, чѣмъ одинъ богатый человѣкъ. Если и можно судить объ относительной зажиточности человѣка, то лишь по потребленію предметовъ второстепенной важности и особенно предметовъ роскоши. Вотъ почему, если желательно, чтобы вообще косвенные налоги уступали мѣсто прямымъ, то еще болѣе желательно постепенное уничтоженіе налоговъ на предметы потребленія народныхъ массъ.

Если обложенію долженъ подлежать по возможности чистый доходъ, то само собою разумѣется, при обложеніи не должна ставиться въ счетъ та часть дохода, которая необходима для удовлетворенія первѣйшихъ жизненныхъ потребностей. Отсюда должны быть освобождены отъ налога тѣ минимальные доходы, которые расходуются на самыя крайнія нужды, причемъ этотъ минимумъ (экзистенциминимумъ)

съ годовымъ доходомъ въ 200—240 р. уплачиваетъ косвенныхъ налоговъ 29 р. 50 к. Въ балашовскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи на каждый крестьянскій дворъ приходится доходу въ среднемъ 114 р. 35 к., а всѣхъ налоговъ 58 р. 21 к.

долженъ сообразоваться конечно съ мѣстными условіями и среднимъ уровнемъ потребностей среднихъ и низшихъ классовъ. По той же самой причинѣ обложеніе дохода должно быть не только пропорціональнымъ, но и прогрессивнымъ; т. е. увеличивающимся въ извѣстной возрастающей прогрессіи по мѣрѣ увеличенія абсолютныхъ размѣровъ дохода. Уплата налога въ 5 рублей для получающаго 100 р. въ годъ затруднительнѣе уплаты налога въ 50 р. для получающаго 1000 р. Чѣмъ меньше доходъ, тѣмъ болѣе процентъ его расходуется на предметы самой первой необходимости. По вычисленію Пфейфера, лица, получающія 300 талеровъ, тратятъ на предметы первой необходимости 251 тал., т. е. 84% всего дохода, а лица, получающія 25000 тал., тратятъ на нихъ 7196 тал., т. е. 28% дохода. Такимъ образомъ справедливый налогъ долженъ быть не пропорціональнымъ, а прогрессивнымъ.

Предпочтеніе прямого прогрессивнаго обложенія косвенному является въ настоящее время столь общепризнаннымъ, что его должны были признать въ той или другой мѣрѣ большая часть политическихъ партій. Съ особенною рѣшительностью дѣлаютъ это партіи социалистическія и радикальная, требующія уничтоженія косвенныхъ налоговъ (с.-р.: за исключеніемъ налоговъ на предметы роскоши) и установленія единаго прогрессивнаго налога на доходы и наслѣдства. Нѣтъ сомнѣнія, что требованіе это идеально справедливо; но по современнымъ экономическимъ условіямъ оно еще въ теченіе весьма продолжительнаго времени безусловно неосуществимо. Предметомъ реальной политики налоговая реформа можетъ быть лишь въ томъ видѣ, въ какомъ предлагаютъ ее конституціоналисты-демократы. Развитіе прямого обложенія на счетъ косвеннаго, общее пониженіе косвеннаго обложенія, постепенная отмѣна косвенныхъ налоговъ на предметы потребленія народныхъ массъ и реформа прямыхъ налоговъ на основѣ прогрессивнаго обложенія доходовъ, имущества и наслѣдствъ,—все это такія справедливыя мѣры, которыя могутъ быть осуществляемы уже съ текущаго года. Еще осторожнѣе ставятъ вопросъ партія прогрессивная экономическая и „Союзъ 17 октября“. вмѣсто постепенной отмѣны они требуютъ постепеннаго пониженія косвеннаго обложенія предметовъ первой необходимости. Едва ли можно

оправдать чѣмъ нибудь эту осторожность. Что можетъ быть опаснаго для государственныхъ финансовъ въ отнѣнѣ, на-
примѣръ, налога на соль, спички и т. д.? Партія представи-
телей промышленности и торговли, хотя и требуетъ органи-
зации системы налоговъ въ соотвѣтствіи съ платежной силой
плательщика на основѣ прогрессивности, однако ясно не
выражаетъ никакихъ желаній на счетъ косвенныхъ налоговъ.
Партія монархическая высказывается за принципъ согласо-
ванія налоговъ со средствами плательщиковъ, но ничего не
говоритъ о прогрессивномъ обложеніи. Партія правового по-
рядка ограничивается лишь заявленіемъ о необходимости
облегченія бремени налоговъ, упадающихъ на крестьянство.

Заключеніе.

Подведемъ итоги сказанному. Въ рѣшеніи социальнаго
вопроса различными политическими партіями мы наблюдали
три теченія. Одни партіи (соціалистическія) считаютъ невоз-
можнымъ разрѣшеніе социальной проблемы въ границахъ
существующаго капиталистическаго строя. Отсюда всѣ ихъ
усилія направлены не на улучшеніе въ положеніи бѣдныхъ
классовъ, а на подготовленіи скорѣйшей гибели капита-
лизма и на ускореніи социальной революціи. Реформы, на-
правленныя ко благу народныхъ массъ, онѣ считаютъ съ
одной стороны бесполезными, съ другой стороны опасными,
поскольку задерживается ими борьба классовъ. Главная
цѣль парламентарной дѣятельности ортодоксальныхъ социаль-
демократовъ заключается въ пропагандированіи социалисти-
ческихъ идей. Лишь въ послѣднее время правая вѣтвь ихъ,
ревизионисты или социалисты-радикалы, стала проводить
тактику уступокъ и постепенныхъ реформъ ¹⁾, но и она въ
силу своего тяготѣнія къ конечнымъ социалистическимъ цѣ-
лямъ нерѣдко страдаетъ утопичностью и тенденціозностью
своихъ требованій. Другія партіи, какъ напр. „Союзъ земле-
владѣльцевъ“, партія монархическая и партія представителей
промышленности и торговли, склонны проводить принципъ
манчестерства, представляя рѣшеніе социального вопроса глав-
нымъ образомъ естественному ходу вещей. На путь социаль-

¹⁾ О тактикѣ социаль-демократіи см. въ книгѣ Сеньобоса: Политическая
исторія современной Европы. Т. II. Стр. 615—619.

ной политики становятся партіи правового порядка, прогрессивная экономическая, „Союзъ 17 октября“ и конституціонно-демократическая. Но программы первыхъ трехъ партій страдаютъ отчасти нѣкоторою неопредѣленностью и неполнотою, отчасти паллиативностью предлагаемыхъ ими мѣръ. Наиболѣе удачное рѣшеніе социальнаго вопроса для ближайшаго будущаго даетъ партія конституціонно-демократическая ¹⁾.

(Окончаніе будетъ).

В. Мышцынъ.

¹⁾ Къ конституціонно-демократической партіи близко подходитъ недавно образовавшаяся въ Петербургѣ новая политическая партія „демократическихъ реформъ“. Особенно подробно разработана новой партіей аграрная программа. Партія признаетъ необходимымъ надѣленіе крестьянъ землею до нормъ высшаго или указнаго надѣла 1861 г., а, гдѣ возможно, то и выше этой нормы; сверхъ государственныхъ и удѣльныхъ земель на увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія должны пойти въ нужномъ размѣрѣ и частновладѣльческія, отчуждаемыя за счетъ государства; оцѣнка этихъ земель должна производиться путемъ капитализаціи изъ 5% или 6% нормальной доходности ихъ въ данной мѣстности при условіи самостоятельнаго веденія хозяйства. Для частнаго землевладѣнія устанавливается нижшій и высшій размѣръ; имѣнія, не достигающія извѣстной нормы (норма эта различна для отдѣльныхъ мѣстностей, но во всякомъ случаѣ не выше 100 дес.), не подлежатъ отчужденію, если въ нихъ ведется самостоятельное хозяйство и если они не служатъ препятствіемъ для сосѣднихъ крестьянскихъ хозяйствъ: имѣнія же выше извѣстной максимальной нормы могутъ подлежать отчужденію независимо отъ потребности поселянъ данной мѣстности; не подлежатъ отчужденію, но съ особаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшенія закона, имѣнія съ образцовымъ хозяйствомъ, имѣющія культурное значеніе.

Въ программѣ по рабочему вопросу отличія новой партіи отъ конституціонно-демократической сводятся къ тому, что, признавая за рабочими право стачекъ, она въ то же время оговариваетъ въ примѣчаніи, что „вопросъ о возможности отступленія въ законодательномъ порядкѣ отъ этого общаго правила въ отношеніи нѣкоторыхъ видовъ стачекъ оставляется открытымъ“. Кроме того партія демократическихъ реформъ не включаетъ въ свою программу 8-ми часового рабочаго дня даже съ тѣми оговорками, которыя приняты конституціоналистами-демократами, а говоритъ лишь о „возможно большемъ сокращеніи рабочаго дня въ зависимости отъ техническихъ условій производства“ (*Русск. Вѣд.* 19 янв.).